

Фёдор Достоевский

ДНЕВНИК
ПИСАТЕЛЯ

1873

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д70

Достоевский, Ф.

Д70 Дневник Писателя 1873 / Ф. Достоевский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 334 с.

ISBN 978-5-521-76624-6

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, один из лучших романистов-классиков, мыслитель, философ и публицист, творчество которого оказало воздействие на мировую литературу.

«Дневник Писателя» — ежемесячный журнал философско-литературной публицистики, в котором представлены статьи и очерки Достоевского, затрагивающие самые разнообразные сферы жизни, в первую очередь, это дневник общественной жизни, пропущенный через личное писательское восприятие. «Дневник Писателя» Достоевского, выпускавшийся в 1876–1877 и в 1880–1881 годах, не имеет аналогов в русской и зарубежной публицистике. В 1873 году под этим же названием писатель вёл свою рубрику в еженедельнике «Гражданин».

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76624-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ 1873.....	5
I. Вступление.....	7
II. Старые люди.....	13
III. Среда.....	21
IV. Нечто личное.....	40
V. Влас.....	54
VI. Бобок.....	73
VII. «Смятенный вид».....	96
VIII. Полписьма «одного лица».....	108
IX. По поводу выставки.....	122
X. Ряженный.....	139
XI. Мечты и грезы.....	163
XII. По поводу новой драмы.....	173
XIII. Маленькие картинки.....	189
XIV. Учителю.....	203
XV. Нечто о вранье.....	212
XVI. Одна из современных фальшей.....	227
СТАТЬИ, ОЧЕРКИ 1873–1878.....	247
Наши монастыри (Журнал «Беседа» 1872 г.).....	249
Заседание общества любителей духовного просвещения 28 марта.....	254
Пожар в селе Измайлове.....	259
Стена на стену.....	264

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

История о Нила.....	270
Две заметки редактора.....	281
Попрошайка.....	292
Маленькие картинки (В дороге).....	298
Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова и его друга.....	327

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1873

I

Вступление

Двадцатого декабря я узнал, что уже всё решено и что я редактор «Гражданина». Это чрезвычайное событие, то есть чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), произошло, однако, довольно просто. Двадцатого декабря я как раз читал статью «Московских ведомостей» о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: всё оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, то есть мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать «Гражданина». Там всё так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные персты перед собою, почтительно склонив головы. Главноуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставле-

ние. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы неимоверно приятно слушать. На случай, если бы я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и угрызения совести, — мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если бы даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе. И уж, без сомнения, это было бы весьма приятно выслушать. Заключив прекрасными словами: «Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести», третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мецкерский дал бы полную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № «Гражданина», такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично.

Подозреваю, однако, что в Китае князь Мецкерский непременно бы со мною схитрил, пригласив меня в редакторы наиболее с тою целью, чтоб я заменял его лицо в главном управлении по делам печати каждый раз, когда бы его приглашали туда получать удары по пятам бамбуковыми дощечками. Но я перехитрил бы его: я бы тотчас перестал печатать «Бисмарка», сам же, напротив, стал отлично писать статьи, — так что к бамбуку призывали бы меня всего лишь через номер. Зато я бы выучился писать.

В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там всё предусмотрено и всё рассчитано на тысячу лет;

здесь же всё вверх дном на тысячу лет. Там я даже поневоле писал бы понятно; так что не знаю, кто бы меня стал и читать. Здесь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднее писать непонятно. Только в «Московских ведомостях» переводные статьи пишутся в полтора столбца и — к удивлению — понятно; да и то если принадлежат известному перу. В «Голосе» они пишутся в восемь, в десять, в двенадцать и даже тринадцать столбцов. Итак, вот сколько надо здесь истратить столбцов, чтобы заставить уважать себя.

У нас говорить с другими — наука, то есть с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: «Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве» — и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете.

Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп в самом деле?» Положение вседовольное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувство-

вать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок.

Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, — нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же — никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться.

Правда и то: если никто не хочет задумываться, то, казалось бы, тем легче русскому литератору. Да, легче действительно; и горе тому литератору и издателю, который в наше время задумывается. Еще горше тому, кто сам захотел бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявит об этом искренно; а если заявит, что уже капельку понял и желает высказать свою мысль, то немедленно всеми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого-нибудь одного подходящего человечка, или даже нанять его, и только с ним одним и разговаривать; может быть, для него одного и журнал издавать. Положение омерзительное, ибо это всё равно, что говорить самому с собой и издавать журнал для собственного удовольствия. Я сильно подозреваю, что «Гражданину» еще долго придется говорить самому с собой для собственного удовольствия. Взять уж то, что по медицине разговор с собой обозначает предрасположение к помешательству. «Гражданин» должен непременно говорить с гражданами, и вот в том вся беда его!